

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АКАДЕМИКЕ А.Н. БАХЕ

Игорь Сергеевич Балаховский

внук академика А.Н. Баха

Алексей Николаевич Бах прожил долгую 89 летнюю жизнь, но фактически это были три жизни, как будто трех разных людей. В молодые годы профессиональный революционер народовец, прозванный "Кашей Бессмертный", затем служащий журнала, наконец крупный советский работник. К тому же, работая в журнале, он создал домашнюю лабораторию и стал выдающимся ученым. Я не стану говорить кто такие революционеры не только потому, что все думают, что знают, но и потому, что ответ очень труден. В Советское время существовала теория, что это форма вяло текущей шизофрении, Алексей Николаевич считал иначе - это дар, который нельзя приобрести, революционером, как и поэтом, надо родиться. В России, во всяком случае в XIX веке, революционеры почему-то особенно часто появлялись на свет в дворянских семьях. Революционер это не только призвание, но и профессия, остальные занятия, например, игра в шахматы, всего лишь хобби. Революционное движение - это такой экстремальный вид спорта, участники которого знают, что заранее обречены, лишь немногим суждено выйти из этого круга. Кашей Бессмертный (Алексей Николаевич) вышел, хотя вполне серьезно участвовал в нелегальной работе, создавал кружки и подпольные типографии, держал в кармане заряженный револьвер, чтобы в случае чего, дорого продать свою жизнь. Но все же, думаю, он не был совсем настоящим революционером о чем скажу позже.

Уехав в 1885 г. по подложному паспорту в Париж, он 32 года провел за границей, зарабатывая на жизнь хорошим знанием иностранных языков - он вел патентный отдел во французском журнале, а в свободное время еще и занимался научной работой, разработав перекисную теорию биологического окисления. Когда в марте 1917 г. к власти в России пришло Временное правительство, Алексей Николаевич получил возможность вернуться, проехав Англию, затем, мимо немецких подлодок через Северное море, в Норвегию и Швецию. Третий этап его жизни начался в 1918 г., когда Л.Я. Карпов, в то время член президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), предложил возглавить вновь созданный физико-химический институт. Как известно, в первых советских правительствах не было хозяйственных министерств, национализированная промышленность управлялась ВСНХ, поэтому должность Л.Я.Карпова была эквивалентна должности министра химической промышленности. Теперь это кажется невероятным, но в это голодное время он создавал научный институт! С тех пор, и до начала Отечественной войны, Алексей Николаевич был одним из руководителей советской науки, по существу политическим деятелем среднего звена, хотя, конечно, никаких политических деятелей в подлинном смысле слова, в то время не было. Положение крупного чиновника определялось теми должностями, которые он занимал, а у Алексея Николаевича, как это полагалось по правилам бюрократической системы, их было несколько. В какой мере и почему он пользовался доверием сталинского руководства, особый вопрос. Ответ на него в общих чертах прост - он был честный человек и сторонник сильного государства. Но об этом несколько позже.

Я родился в 1925 г, мои личные воспоминания, касаются только советского периода, но я слышал рассказы старших, главным образом бабушки, о годах жизни за границей и знакомых того времени, поэтому имею о них определенное представление. Что же касается самого первого, революционного периода, то могу только интерпретировать то, что сам Алексей Николаевич написал в автобиографических "Записках народовольца" в 1906 г. Дома, во всяком случае при мне, он никогда не предавался воспоминаниям, это тоже черта характера - то, что было, окончательно прошло, не подлежало не только ревизии, но и новому переживанию. Когда я прочел "Записки народовольца" я удивился - их автор это совсем не мой очень организованный, добродушный, расположенный к людям, ироничный, несколько отстраненный от житейских проблем дедушка, хотя организованность, некоторый аскетизм и спокойная рассудительность те же. Но сначала о том, как мы жили в довоенное время.

У Алексея Николаевича и его жены, моей бабушки, Александры Александровны урожденной Червен-Водали были три дочери, моя мама младшая из них. Мы все жили общей семьей в 5 комнатной директорской квартире на третьем этаже так называемого "верхнего" здания института им. Карпова. На этом же этаже находилась вторая квартира, где жили также сотрудники института: Исаак Абрамович Казарновский с женой и двумя дочерьми, Адольф Иосифович Рабинович с женой Марией Яковлевной и Брунсы. Здание формально трехэтажное, но был еще (и есть сейчас) высокий цокольный этаж. Жильцы и их гости, чтобы попасть в квартиру, должны были проходить мимо рабочих помещений лабораторий, что по нынешним представлениям очень странно, и, вообще говоря, весьма неудобно. Хотя формально наша квартира выглядела большой, и, что по тому времени было большой роскошью, была отдельной, на самом деле по нынешним представлениям, ее нельзя назвать ни просторной, ни комфортабельной. Фактически кроме главы семьи там жили еще три взрослые дочери, у двух были мужья и дети. Четыре парадные комнаты выходили на юг - в одной была спальня дедушки и бабушки, в другой столовая, где спала также незамужняя тетька, по одной комнате занимали две дочери со своими семьями. Была еще маленькая комната за кухней, которая в разное время использовалась по-разному. Нас, внуков, было четверо - три мальчика и моя сверстница, двоюродная сестра, которая умерла в шестилетнем возрасте, поэтому я ее плохо помню.

Ни лифта, ни горячей воды, ни мусоропровода, ни холодильника, разумеется, не было, как не было их в то время ни у кого. Зато была большая кухня с дровяной плитой, которую никогда не топили, ванная с дровяной колонкой и какие-то бесконечные внутренние коридоры, с множеством полезной мебели, стульями и креслами, в которых можно было проводить время за чтением. Институт размещался в бывшем особняке богатого немца - Voagu - на холме, в большом саду, спускавшемся к Яузе. Вся улица Воронцово Поле была застроена похожими особняками, некоторые из них, в частности те, где сейчас находится посольство Индии, сохранились до сих пор, другие разрушены или перестроены до неузнаваемости. В то время этот район Москвы в архитектурном отношении отличался от остального города, и когда через много лет я попал в Буду - правобережную часть Будапешта, сразу вспомнилось родное Воронцово Поле, те же особняки с палисадниками на крутых улицах. В 1915 или 1916 г. Николай II произнес антинемецкую речь, после чего патриоты учинили погром, говорят, что пух из перин закрыл улицы как свежий снег. После революции особняк был восстановлен, надстроен еще один этаж (где, собственно, и размещались наши квартиры) и передан институту. Но какие-то кусочки старого остались - человек, работавший швейцаром в институте, сохранил несколько богатых "подарочных" изданий из барской библиотеки, а затем продавал их моей бабушке по 5 рублей за том. Так у нас оказались история Жанны д'Арк с литографиями документов того времени и история императорской гвардии Наполеона.

Моя бабушка очень старалась, чтобы квартира была по-буржуазному респектабельной, признаком чего она считала в первую очередь чистоту. Однако, несмотря на высокое положение Алексея Николаевича в советской иерархии, учитывая его бескорыстие, возможностей было не очень много, их реально хватало только на спальню, столовую и переднюю, где периодически появлялся полотер Антон. Про него говорили, что он верующий и ходит в церковь, мне было странно видеть взрослого мужчину, имевшего взгляды, которые в то время были профессиональной особенностью пожилых домработниц. Я робел перед ним и очень боялся как-либо показать, что смотрю на него, как на музейный экспонат.

Непосредственно к квартире примыкал рабочий кабинет Алексея Николаевича, но это уже была служебная территория, откуда дверь

вела в лабораторию, а через нее и на лестничную площадку. Никакого предбанника с секретарем не было, не знаю кто регулировал прием посетителей, и регулировался ли он вообще. Возможно, в лаборатории и был кто-либо занимавшийся этим, но я об этом ничего не слышал и никогда не задумывался. Кабинет по большей части использовался по своему прямому назначению, как кабинет директора института, но из-за тесноты в жилых комнатах, во "внерабочее время" его использовали и иначе. Алексей Николаевич всегда рано ложился спать и рано вставал, поэтому меня иногда отправляли спать в кабинет на диван. Это льстило самолюбию, но было страшно, что утром придет уборщица и застанет неубранную постель. Окно кабинета выходило на запад, в него были видны кремлевские башни, а по вечерам и цепи огней, видимо фонари на мосту или на набережной. В кабинете стоял какой-то особый "дедушкин" запах натертого паркетного пола и химических реактивов. Стены были окрашены масляной краской в темно-синий цвет, большой письменный стол орехового дерева повернут к окну, напротив него диван, составлявший общий гарнитур со столом, кроме того два "американских" книжных шкафа, глубокое кожаное кресло и шахматный столик. Над диваном висела таблица Менделеева, она немало смущала меня, когда я искал в ней логику или повествование, но не находил ни того, ни другого. Интересно, что мне не приходило в голову спросить об этом дедушку, я сам безуспешно искал разгадку, и только с мамой делился своими трудностями.

Смежной с кабинетом была спальня дедушки и бабушки. Как и другие парадные комнаты, она выходила на юг, в сторону Яузы, из окна и с балкона открывался прекрасный вид на амфитеатром разбегаящиеся дома Таганки и Андрониковский монастырь, на горизонте маячил странный силуэт мясокомбината им. Микояна. Я проводил много времени, разглядывая город в подзорную трубу с балкона. Мебель в спальне была не такая стильная, как в кабинете, но вполне "буржуазная" - кровать, комод красного дерева, круглый столик с ножками в виде позолоченных дельфинов. Из спальни дверь вела также в столовую, где был рояль, обеденный стол из темного дуба, диван, несколько кресел, книжные шкафы с толстыми книгами в твердых переплетах, большое зеркало, висела картина художника Реберга (брат известного архитектора) "Лодки на Волге", на полу красный ковер. Насколько я понимаю, мебель была приобретена на каком-то складе, куда собирали вещи из квартир, хозяевам которых было не до того. (Это описано в поэме Пастернака "Спекторский"). Единственная вещь из другого источника - это обеденный стол из темного дуба и стулья к нему с резными спинками. Этот стол раньше был закусочным столом у нашего родственника Александра Александровича Червен-Водали, нотариуса из Твери, о котором я расскажу немного позже. "Буржуазной" была еще и передняя, в которой стоял гарнитур из двух тяжелых стульев, зеркала, вешалки и комода для хранения летом теплых вещей.

Алексей Николаевич вставал раньше всех и на кухне варил кофе. Его рабочий день был очень упорядочен - обед ровно в час, ужин в 6 или 7. Еда была самая простая: суп, котлеты с картошкой, курица. Я не помню, чтобы были какие-либо застолья с вином, тостами, воспоминаниями, рассказами. Гости "детей" - мамы и ее старших сестер, также иногда приглашались к столу, но Алексей Николаевич мало с ними общался, сразу же после еды уходил к себе в кабинет. Чаще всего гостей младшего поколения принимали на кухне, там было достаточно свободного места и "черный ход", который выходил на боковую лестницу. В целом семья вела замкнутый образ жизни, я помню лишь несколько постоянных посетителей Алексея Николаевича, в их числе президент Академии Наук Горбунов, которого он за глаза называл "Лысым чертом", профессор МГУ Кизель, Вениамин Михайлович Свердлов - младший брат Якова Свердлова, которого я почему-то вижу в мундире железнодорожника.

Алексей Николаевич не поддерживал связи со своими родственниками, но ни про какие идеологические конфликты я никогда не слышал, как я понимаю, в целом среда была вполне прогрессивной. Племянник Алексея Николаевича - Захар Ильич Френкель, заведовал кафедрой социальной гигиены в Ленинградском институте усовершенствования врачей. Это яркий человек, общественный деятель, в прошлом депутат Государственной думы, получивший известность как санитарный врач. Я как-то посетил его в Ленинграде, он жил на северной окраине города, около завода "Светлана" в маленьком деревянном домике. Разговор зашел о медицинской статистике, а так как я почти ничего не знал об этом, рассказал про "Треугольник Паскаля" - как в результате случайных событий получается биномиальное распределение. Через много лет я узнал, что это все же распределение Бернулли, так что урок усвоил лишь в общих чертах. Захар Григорьевич рассказал также, что когда он был еще совсем ребенком, в их доме появился молодой Алексей Николаевич, они вместе с отцом (он был лет на 10 старше) занимались таинственным делом - куда-то ходили, что-то переносили. Захар Григорьевич думал, что они прятали подпольную типографию. Вспомнили также, что лет за 20 до моего посещения, у них была мамина сестра. Известно также, что другая родственница Алексея Николаевича - Левицкая, работая в редакции, активно помогала первой публикации "Тихого Дона" Шолохова. Так что видимого основания для разрыва со средой не было, скорее, сказалась черта характера Алексея Николаевича, который не менял решения. Уйдя в подполье и в эмиграцию, он был вынужден порвать с родными хотя бы для того, чтобы избавить их от внимания полиции, а обратного пути для него не существовало.

В нашем доме были лишь родные бабушки - Александры Александровны: дочь ее старшей сестры Елена Альбертовна и сын младшего брата Юрий Александрович Червен-Водали. Юра работал в Тульской области, озеленял город Сталиногорск (когда-то Бобрики, затем Новомосковск), периодически появляясь у нас в Москве. Он погиб на войне. Из Одессы приезжала сестра бабушки - Лидия Александровна.

Бабушка Александра Александровна Бах, урожденная Червен-Водали, родилась в Кишеневе в 1867 году, она была дочерью разорившегося, как теперь бы сказали - молдавского, а по тогдашним понятиям бессарабского аристократа. Когда Бессарабия в 1813 году вошла в состав Российской империи их семья, как и другие представители "правящего класса", получила русское дворянство, и пользовалась теми же привилегиями, что и великорусские помещики. Выразилось это, например, в следующем. Сын близкой подруги Александры Александровны, Лев Александрович Александрович, был немного старше моих теток и в дни юности очень дружил с ними, был "как старший брат". Во время первой мировой войны жил во Франции и работал секретарем Троцкого, который до его высылки в Америку, был корреспондентом какой-то газеты. Но французские власти подозрительно относились к Льву Давыдовичу, и ограничивали ему свободу передвижения. Иное дело Александри, обладатель русского дворянского паспорта, был вне подозрения, чем он пользовался, собирая журналистский материал для своего метра. Дальнейшая судьба Льва Александровича и типична и печальна. Он служил в НКВД, во время гражданской войны участвовал в обороне Царицына, затем работал в каком-то прибалтийском государстве, не знаю уж в какой должности, но, видимо, по той же линии. Печальной славы Ежов для него был всего лишь "Колькой Ежовым". В свое время он был репрессирован, но оправдан и вскоре умер.

Александра Александровна была восьмой дочерью в многодетной семье, когда она родилась, родители уже потеряли надежду иметь сына и дали ей имя, которое могло бы быть и мужским. Однако судьба в тот момент решила продлить род, и после нее родился мальчик, которого тоже назвали Александром. Через некоторое время семья разрушилась, отец промотал состояние, а мать с детьми уехала в свою родную Одессу, где жил ее брат "дядя Кларидж", англичанин, работавший на таможене. Его присутствие там как-то было связано с тем, что Одесса в то время была открытым городом. Многочисленная женская семья Червен-Водали содержала пансион для девочек, родители которых жили в деревне. Каждая из сестер имела свою функцию - одна занималась бельем, другая кухней и т.д. Моя бабушка была репетитором и очень гордилась тем, что помогла младшему брату подготовиться к вступительному экзамену по латыни.

Бабушка была на 10 лет моложе дедушки, познакомились они в Швейцарии на известном туберкулезном курорте Монтре, где оба лечились от этой болезни. Как она мне рассказывала, в то время у них не возникло глубоких отношений, она вернулась, и знакомство продолжалось по переписке. Эти письма очень способствовали сближению, и она решила стать женой политэмигранта - человека без

определенной профессии и положения в общества, к тому же больного туберкулезом! А лёгкие у Алексея Николаевича были слабые. Как он сам пишет в "Записках народовольца", в случае ареста терять ему было нечего - он все равно не перенес бы тюремного заключения. Поступок весьма романтичный! Как рассказывала бабушка, в какой-то момент, когда они уже были женаты, у бабушки открылось легочное кровотечение, положение было настолько серьезным, что врач посоветовал предупредить родственников. Но предупредить было некогда, а счастливая звезда обеспечила ему еще долгую жизнь. В других отношениях Алексей Николаевич был очень здоровым человеком - первый зуб у него испортился, когда ему было 50 лет!

Они венчались в Париже в румынской церкви - в русскую путь был закрыт. В семье считалось, что русская православная церковь за границей имеет отношение к надзору за политэмиграцией, и ее следует всячески избегать. Мама рассказывала, что в Женеве ей запрещалось даже проходить по улице, где находилась православная миссия - опасались какой-либо провокации!

А такая угроза была вполне реальной. Алексей Николаевич в "Записках народовольца" пишет, что переехал в Женеву из-за плохого здоровья. Александра Александровна рассказывала иначе. Как известно, во время Крымской войны и после нее отношения России с Францией были весьма натянутыми, но в конце века расстановка политических сил изменилась - наметился союз с Францией против усиливающейся Германии. Для этого в 1893 или 1894 году император Александр III приехал в Париж - по этому случаю даже открыли новый мост через Сену и назвали его именем. В дополнение решили почистить и город, удалив "сомнительные" элементы из числа политэмигрантов. Алексей Николаевич был арестован. Бабушка вспоминала об этом очень эмоционально и с элементами самоиронии - она стала убеждать полицейского комиссара, что ее муж не мог совершить преступление. Мне она рассказывала, что опытный полицейский, наверное, видел много молодых женщин, которые убеждали его в невинности своих мужей! Разразился большой скандал, общество было возмущено, редактор журнала, в котором работал Алексей Николаевич, публично протестовал, заявляя, что журнал не может выйти. Арестованных вскоре отпустили, но Бахи перебрались в Женеву, и работа в журнале продолжалась по почте (видимо, она ходила вполне исправно). Очень вероятно, что обе версии не противоречат друг другу, различаясь главным образом эмоциональным восприятием. Может быть, можно было бы и остаться в Париже, но в Женеве воздух был чище, а жизнь дешевле - картошка стоила 8 сантимов килограмм.

В Женеве родились две дочери Наталья в 1895 и Ирина (моя мать) в 1901 г., старшая дочь Лидия родилась еще в Париже. Александра Александровна окончила медицинский факультет Женевского университета и стала практикующим врачом, специализировавшись в основном на детских болезнях, но фактически была семейным доктором. Естественно, что русские, по той или иной причине оказавшиеся в Женеве, обращались в первую очередь к ней, а так как она была общительной, у нее появилось много знакомых. В какой-то момент ей удалось вылечить фурункулез у какого-то коренного женева, и появилась практика среди швейцарцев, что было большим достижением. В целом произошло "чудо" - Бахи вписались в замкнутое и консервативное провинциальное Женевское общество. Мой отец считал, что это оказалось возможным потому, что они поселились до того, как общество замкнулось, бабушка объясняла игрой в шахматы на берегу Женевского озера. Возможно, имело значение и то, что фамилия звучит как немецкая, и уж, конечно, женева и не подозревали, что народовольцы - это царевубийцы (как выражалась сама Вера Фигнер).

О нравах коренных жевцев можно судить по двум рассказам, сохранившимся в семье. Когда мама была еще ребенком, они с бабушкой ходили в гости в богатую семью, где была девочка маминого возраста. Их дом с большим садом, сам по себе стоил огромных денег. На стол поставили угощение - то ли пирожные, то ли печенье и каждый взял по одной штучке. Через некоторое время девочке-хозяйке захотелось ещё, и она попросила разрешения у взрослых. Такая экономность, чтобы не сказать - скардность, настолько удивила маму, привыкшую к другим отношениям, что она запомнила этот эпизод и рассказала мне его через много лет. Бабушка любила рассказывать, что богатый женева вечером ходит дома очень тихо, чтобы не дай бог не потревожить прислугу, которая уже ушла спать к себе в мансарду. А вот пролетарский писатель Горький, когда возвращается из театра, будит Машку, которая спит в каком-то чулане, чтобы та ставила самовар, и подчевала гостей. Откуда такие сведения о жизни Алексея Максимовича - не знаю, Александра Александровна действительно дружила с его первой женой - Екатериной Павловной Пешковой; но я не слышал, чтобы она когда-либо встречалась с самим писателем.

Свои лучшие годы Алексей Николаевич провел в эмиграции. Он уехал, когда ему было 28 лет, а вернулся в 60. Не удивительно, что там завязались знакомства, появились близкие друзья, с которыми, увы, после возвращения на Родину не суждено было встретиться. О некоторых из них я много слышал, и есть, что рассказать. Самым близким другом был французский хирург Шарль Дюбуше, которому, как пишет сам Алексей Николаевич, он обязан жизнью - только благодаря его моральной (а также материальной) поддержке удалось выжить в эмиграции. Его фотография с подписью всегда висела на стене, я помню ее с раннего детства. Дюбуше почти всю жизнь прожил во Франции, но был американским гражданином и в автобиографии Алексей Николаевич называет его Чарльзом. Однако в семейных разговорах его всегда называли на французский манер Шарлем. Ещё будучи студентом Сорбонны, он познакомился со студенткой из Одессы Людмилой Орловой и женился на ней в 1891 году. Людмила, не знаю уж по какой причине, не стала врачом, а была, как вспоминала моя мама "профессиональной и убежденной" медицинской сестрой, т.е. ставила во главу угла непосредственную помощь людям и уход за больными. Она действительно очень многим помогла. Шарль Дюбуше был потомком первых эмигрантов, прибывших в Америку, если не ошибаюсь, в 16 веке на корабле "My Flower", куски которого, как реликвии, хранились потомками. Отец Шарля тоже жил в Париже, он был известным дантистом, одним из первых, кто занялся протезированием, и стал известен широкой публике, когда после пожара в Парижской опере идентифицировал трупы по изготовленным им зубным протезам.

Став врачом, Шарль уехал в Россию, но, чтобы заниматься медицинской практикой, надо было получить российский диплом. В то время Финляндия входила в состав Российской империи, там можно было сдавать экзамены на немецком языке, чем он и воспользовался. Дюбуше поселились в Одессе, где брат Людмилы занимал высокое положение в городской управе. Шарль занялся частной медицинской практикой, посещение его кабинета даже описано Валентином Катаевым в каком-то рассказе. Жизнь в России не сложилась - были нарушены какие-то медицинские правила, в 1905 году у него оказался револьвер, на который не было разрешения (а каждый американец, даже с восточного побережья, считал "естественным" иметь огнестрельное оружие). Моя мама рассказывала с чьих-то слов - сама она это знать не могла, так как в то время была еще маленькой девочкой, что по российским законам можно было давать общий наркоз только в присутствии двух врачей на государственной службе, а частнопрактикующий врач не имел права сам это делать. Но случай был острый и Шарль был вынужден нарушить это правило, что имело неприятные последствия. Так или иначе, он вернулся в Париж, где стал одним из лучших хирургов своего времени. Он лечил многих русских эмигрантов, в том числе и родственников В.И. Ленина. Во время второй мировой войны уехал в Америку.

Дочь Шарля и Людмилы - Елена Дюбуше, - была журналисткой, дружила со старшей сестрой моей мамы - Лидией Алексеевной. Я ее немного помню, так как в 1934 или 1935 г она приезжала Москву. Во время войны, в 1915 или 1916 г. ею был увлечен Николай Гумилев, который в это время оказался в Париже, он записал в её альбом цикл стихов "Синяя звезда". Эти стихи в виде отдельной книги вышли в Берлине уже после трагической смерти поэта, видимо, их издала сама Елена или кто-то из ее друзей. Они действительно очень отличаются от других стихов нашего выдающегося поэта, в первую очередь - личным характером - ведь сам Гумилев не готовил их к публикации. В собрании сочинений поэта указано, что они "из альбома Е.К. Дюбуше". Это конечно, недоразумение, происхождение которого понятно - хотя Карл и есть формально перевод имени Чарльз на немецкий или польский язык, но все же это другое имя -

никто ведь не называет Карлом ни Чарльза Диккенса или Шарля Де Голля.

Другим близким другом был младший брат Александры Александровны - тоже Александр Александрович Червен-Водали, один из немногих людей, с которыми, как с Шарлем, Алексей Николаевич был "на ты". Получив юридическое образование, Александр Александрович поселился в Твери, где работал нотариусом и стал земским деятелем, - еще со времени крестьянской реформы 1861 года тверское земство было известно как наиболее прогрессивное. Видимо, для успешной работы там, бессарабское происхождение не имело значения, важнее был дворянский паспорт. Наш известный авиаконструктор А.Н.Туполев тоже из Твери (его родное поместье в верховье реки Медведица, еще лет 25 назад барский дом был цел, хотя и находился в плачевном состоянии). Андрей Николаевич как-то рассказал Лидии Алексеевне Бах, что в 1905 году, когда существовала опасность черносотенных погромов, он, в компании других тверских гимназистов, "уберег" Александра Александровича.

Судьба Александра Александровича сложилась трагически - в какой-то момент гражданской войны Колчак сделал "поклон влево" и включил в свое правительство земских деятелей эсеровского толка, в том числе и Александра Александровича. После разгрома Колчака он был захвачен Красной Армией и расстрелян в Новосибирске. У нас в семье хранилось его последнее письмо в ночь перед расстрелом.

Третий знакомый "женевского периода", о котором в разное время я много слышал, это литературный критик и философ-экзистенциалист Лев Исаакович Шестов. Собственно экзистенциалистом он стал позже, а в то время, когда они с Алексеем Николаевичем гуляли по горам в окрестностях Женевы, был скорее литературным критиком, анализировавшим проблему добра и зла в творчестве Толстого и Достоевского. Взгляды Шестова на то место, которое занимает опыт в системе человеческих взглядов, заметно отличается от сугубо рационалистического мышления ученого-экспериментатора, но и Алексей Николаевич допускал существование каких-то общих принципов, выходящих за рамки повседневного опыта. Так, он очень любил полушутя-полусерьезно говорить, что "Беспорядок это не отсутствие порядка, а наличие другого, может быть более высокого порядка". Я сам много раз слышал от него эту фразу, философское содержание которой очевидно. А порядок, в том числе и в быту, был для Алексея Николаевича чем-то очень важным, почти божеством. В каждой мелочи он был необыкновенно аккуратен и тщателен - бабушка рассказывала, что он много работал с серной кислотой, но никогда никакого повреждения одежды не было. Его философские взгляды (во всяком случае, в первые годы эмиграции) хорошо видны из "Контрзаписки", по поводу русского революционного движения (цитирую по "Запискам народовольца", стр. 208): "При решении всякого вопроса, а тем более вопроса такой огромной важности, как вопросы политические и общественные, первым условием должно быть установление общего положения, из которого вытекают все частности, совокупность которых составляют данные вопросы. Без соблюдения этого условия частные решения, как разумны и логичны они ни казались бы с первого взгляда, неизбежно должны носить случайный характер, и только в виде исключения могут находиться в соответствии с общей постановкой вопроса, ответом на который они предназначены служить". Читая эти слова, я слышу живой голос Алексея Николаевича, настолько они соответствуют его манере говорить и всему облику.

Интересно сравнить жизненные пути Алексея Николаевича и Льва Исааковича - оба украинские евреи, принявшие христианство и женатые на дворянках, оба из Киева. Но Алексей Николаевич из относительно бедной семьи, детство провел в деревне, а Лев Исаакович - сын купца первой гильдии, семья владела мануфактурным магазином и складом на Подоле. Алексей Николаевич уже в сознательном студенческом возрасте ушел в революционное подполье. Бунтарский опыт Льва Исааковича скромнее и романтичнее - еще ребенком его похитила (подозревают, что с его согласия) какая-то левацкая организация, требуя с отца выкуп, но тот выкупа не дал и ребенок вернулся домой. Лев Исаакович очень не любил вспоминать этот эпизод.

Рефлексирующий, сомневающийся, иногда даже депрессивный, Лев Исаакович был бунтарем мысли, а решительный, не знающий обратного пути Алексей Николаевич был революционером дела, с заряженным пистолетом в кармане. Как настоящая марксист, Алексей Николаевич искренне и глубоко верил в существование общих имманентных и рациональных законов природы и истории, которые приведут человечество к тому, что в то время называли победой пролетариата. Но, видимо, где-то в глубине души жило подозрение, что может быть, и существует более высокий порядок, который мы воспринимаем как беспорядок. Мир Льва Исааковича сложнее, в нем есть место для чего-то, что "тяжелее песка морского" и отнюдь не рационально. Это различие характеров сказывалось и в практической деятельности - Алексей Николаевич, безусловно, обладал выдающимися организаторскими способностями, умел объяснять свои идеи и заражать ими других. Это проявлялось и в подпольных революционных кружках, и когда он стал крупным организатором советской науки. Но коммерческая деятельность у него не получалась. В 1891 году ему предложили поехать в США для организации процессов брожения. Это был период так называемого "дрожжевого бума", когда после открытий Пастера появилась новая наука - микробиология, что позволяло, используя чистые культуры, значительно улучшить производство. Как рассказывала Александра Александровна, Шарль Дюбуше "на всякий случай" дал им в дорогу стопку золотых монет, и они уехали в Нью-Йорк. Но жизнь в Америке не получилась - по рассказам бабушки, чтобы быть человеком, там надо было иметь миллион долларов, а у Алексея Николаевича их не было. Он вернулся в Париж, на скромную должность обозревателя патентного отдела научного журнала. Чтобы быть деловым человеком (как теперь говорят, бизнесменом), надо обладать не только командирскими качествами, но и уметь договариваться с партнером, понимать его позицию. Это не было стихией Алексея Николаевича, но Лев Исаакович, видимо, в совершенстве владел таким искусством - в своё время вывел фирму из глубокого кризиса, вызванного тяжелой и длительной болезнью отца. Но стоять с аршином за прилавком ему было не по душе.

Различие характеров сказалось и на отношениях с еврейскими родственниками. Нынешнему поколению трудно понять, что это такое, насколько тяжелы и обременительны неписанные обязательства и требования. Алексей Николаевич разрубил гордиев узел одним ударом, Лев Исаакович не был столь решителен и страдал - ещё до первой мировой войны бежал от них из Киева в Москву, но всю жизнь нес тяжёлый груз главы семейного клана Шварцманов.

В одном они были едины - оба считали себя русскими, хотя вопрос этот, наверное, никогда не обсуждался. Выбор был вполне добровольный и казался чем-то само собой разумеющимся, хотя теоретически оба могли попасть в лагерь еврейских или украинских националистов. Такова была притягательная сила великорусской культуры. Алексей Николаевич очень уважал украинский язык, неоднократно говорил, что он в некоторых отношениях старше и имеет больше заслуг, чем русский, любил и "спивал" украинские народные песни. Но себя осознавал как русский. Современные либералы могли бы назвать его империалистом, на тогдашнем языке это был государственный и оборонец.

Империи - это ведь не чья-то прихоть или злая воля, это исторический процесс объединения разных народов. Крылатая фраза "Москва - третий Рим", - не просто малообоснованная заявка на духовное наследие (есть ведь и более прямые наследники!), но и констатация того, что существуют "империобразующие" народы (также, как существуют градообразующие предприятия). Выходцы из маленького Лациума за несколько веков создали могучую Римскую империю, выходцы из Московского уездного княжества за два с половиной века создали Российскую империю - Казань была взята в 1552 г., последнее присоединение на западе - Бессарабия - в 1813. Европейский союз и Соединенные Штаты Америки - это ведь тоже империи, где есть свои дотационные регионы (раньше их называли колониями) и регионы-доноры (раньше это была метрополия). Алексей Николаевич, глубоко и искренне уважая украинский народ, украинский язык и

украинскую культуру (которая, конечно, отличается от великорусской), тем не менее, не видел Украину вне русского государства - называется оно Российской империей, Советским Союзом или как-то еще.

По моим наблюдениям, Александра Александровна была более общительной, поддерживая широкий круг знакомств. Когда мне было уже лет 13-14, я обещивал её визиты, приводя такси в нужное время и в нужное место. Помню, она была у Екатерины Павловны Пешковой (жены А.М. Горького) и у Веры Николаевны Фигнер. Мне трудно сказать, на чём основывалась её дружба с этими, безусловно выдающимися женщинами. Про каждую из них можно написать (и уже написаны) тома, мои детские впечатления ничего добавить не могут. Екатерина Павловна умела поддерживать хорошие отношения с Советским руководством, долгие годы была руководителем политического красного креста, мужественно защищая "необоснованно" репрессированных людей, многие из которых нашли у нее защиту и в буквальном смысле обязаны жизнью. Слово "необоснованно" я взял в кавычки как расхожий штамп потому что полагаю, что политические репрессии не могут быть обоснованными. Екатерину Павловну я видел несколько раз, для меня она была вполне реальным человеком.

Иное дело - Вера Николаевна Фигнер, которую с бабушкой связывали какие-то неизвестные мне отношения. У нас дома есть её книга "Запечатленный труд" с надписью "Александре Александровне Бах в память о марте 1921 г.", но при мне никаких разговоров о том, что же тогда произошло, не было. Несколько лет подряд мы жили летом в деревне Дунино, на даче, принадлежавшей Наталии Александровне Лебедевой (урожденной Крицкой, а может быть, наоборот, Крицкой, урожденной Лебедевой, - сейчас не помню). Она пугала нас, детей, тем, что если мы будем шуметь или как-то не так все вести, Вера Николаевна к нам не приедет. Вера Николаевна так и не приехала, я её никогда не видел, но смутный страх перед этой личностью остался. Недавно я просмотрел её воспоминания и понял, что страх был обоснован - хладнокровное описание того, как они с друзьями отправляли на смерть в террористических актах десятки случайных людей и при этом еще считали себя несчастными жертвами, поражает.

Я совсем не помню, чтобы Алексей Николаевич сердился или проявлял сильные эмоции, хотя большая семья, в которой было трое мальчишек, давала поводы для раздражения. Но он умел, во всяком случае - дома, обратить даже неприятный разговор в добродушную шутку. Бабушка строго следила, чтобы все инциденты, которые, конечно, были, решались на уровне младшего поколения. Я помню только один раз, когда Алексей Николаевич был взволнован, рассказывая о неприятном уличном происшествии. В этот день он ездил в Дом ученых играть в шахматы, и, возвращаясь, поскользнулся на трамвайных путях. Но, к счастью, все обошлось благополучно.

Семья была сугубо атеистической, в доме не только не было никаких икон, но и Бога - то никогда не вспоминали. Иное дело черт, которого Алексей Николаевич любил упомянуть всуе, в тех же случаях, когда кто-либо другой сказал бы "парень" или "мужик". Я уже рассказывал, что как-то за столом он назвал академика Горбунова "лысым чертом", хотя у них были очень хорошие отношения, и Горбунов часто бывал у нас дома. Я по молодости пытался копировать этот лексикон, и мама провела со мной специальную работу, объясняя, что это делать не следует. Нынешний, я бы сказал агрессивный, всплеск клерикализма огорчил бы и одновременно потешил Алексея Николаевича. Ведь в его время считали (как оно и есть на самом деле), что религиозное чувство порождено слабостью человека, его стремлением найти защиту от жизненных невзгод. Думали, что по мере развития науки, человек научится управлять силами природы и потребность в такой защите сама по себе отпадет, отпадет и религиозное чувство. Но не тут то было - прогресс колоссальный, каждый школьник бегаёт не то, что с часами (в наше время это было чем-то из ряда вон выходящим), но и с мобильным телефоном, а зависимость от внешней, по видимости - слепой силы, все та же. Вот и ищет слабый человек защиты у древних, очень красивых, но совсем не правдоподобных легенд. Алексей Николаевич был сильным человеком, смело смотрел в глаза природе, верил в свою звезду и ни в какой защите не нуждался, стало быть, был атеистом. Он любил говорить: "Если бы Бог был, я бы сказал этому старому черту:" - что именно он сказал бы, оставалось неказанным, видимо, что-то о несовершенстве сотворенного этим старым чертом мира. Его отношение к религии, и всему, что с ней связано, не выходило за рамки добродушного подшучивания, вроде известной присказки: "Увы и ах, сказал монах, когда нашел блоху в штанах, увы и ой, сказал другой и раздавил её ногой".

Я хорошо помню, что когда мне было лет 6-7, я узнал, что праведники награждаются райским блаженством. Эта торгашеская постановка вопроса меня шокировала - я тебе хороший поступок, ты мне - райское блаженство. По моему детскому понятию хорошие поступки нельзя ни продавать, ни покупать, надо поступать хорошо, даже если тебя за это накажут. Идея отнюдь не простая, маленький мальчик не мог сам до такого додуматься, в какой-то, возможно более абстрактной форме, она была привита всем духом жизни семьи, её укладом.

Когда я написал, что Алексей Николаевич все же не был настоящим революционером, я имел в виду, что созидание было для него важнее разрушения, государственная служба, разработка технологий для пищевой промышленности были для него очень важны, важным он считал также сплочение общества. Однажды заняв такую позицию, он не изменял её, что бы ни происходило. А происходили, в общем-то, страшные вещи, когда бывшие революционеры, бывшие соратники с невероятной жестокостью истребляли друг друга. Конечно, так называемые Сталинские репрессии, - это, всего лишь, расхожий штамп. Репрессии начались задолго до того, как Сталин получил полную власть. Троцкий и Зиновьев были ничем не лучше, просто Сталин стрелял первым и без промахов. На первый взгляд непонятно, как Алексею Николаевичу удалось оказаться вне этих разборок - ведь по роду работы, как инициатор химизации страны, он был тесно связан с руководством Наркомтяжпрома и лично - с "врагом народа" Пятаковым. Я вспоминаю, что Алексей Николаевич сам рассказывал, что, "его слава" началась с выступления на каком-то партсъезде о необходимости развития химической промышленности. В своё время, в сборнике, посвящённом 60-летию И.В. Сталина, был опубликован его рассказ о встрече с вождем. Мама рассказывала мне, что присутствовала при том, как он рассказывал об этой встрече бабушке (никому другому, он конечно, рассказывать бы не стал). По её мнению он просил "за Пятакова", говоря, что химическая промышленность очень нуждается в таком руководителе. Сталин выслушал и ответил: "Мы Вам доверяем, товарищ Бах и в Ваши научные дела не вмешиваемся, - и Вы тоже в наши дела не вмешивайтесь". Такое ходатайство могло бы кому-нибудь другому стоить очень дорого, но в данном случае ему действительно доверяли, признаком чего служит некий иммунитет Карповского института и других, возглавлявшихся Алексеем Николаевичем учреждений, сотрудники которых не репрессировались.

О причине такого расположения можно только догадываться, может быть, это связано с событиями сразу после Февральской революции. Бабушка несколько раз рассказывала мне, как они возвращались из Швейцарии через Англию и Скандинавию, а как-то сказала еще, что после прихода к власти Временного правительства на имя Алексея Николаевича в Женеву пришел перевод на сто тысяч рублей для финансирования репатриации политэмигрантов. Это были очень большие деньги, что немало смутило адресата, и он приложил все усилия, чтобы скорее избавиться от них. Этот перевод вызвал много волнений в эмигрантской среде, один человек был особенно недоволен. Я стал расспрашивать, кто бы это мог быть, бабушка ответила: "Ну, такой был Ульянов". Эта история выглядит вполне правдоподобно, поскольку Алексей Николаевич много лет прожил в Женеве, был известен, имел постоянный адрес. Известно, что в эмигрантской среде борьба за материальные средства: различные пожертвования и доходы от продажи литературы, - была очень острой. Большевики, как одна из многих эмигрантских фракций, в этом отношении были особенно активны. Если это правда, то Сталин с его феноменальной памятью, вероятнее всего, знал об этой истории, и считал, что человек, который не соблазнился таким деньгами,

не совсем настоящий революционер. Такому можно доверять.

Култ личности Сталина внедрялся, когда мне было уже 10-12 лет, и я помню это время. Особенно активно кампания шла в дни 100-летия со дня смерти Пушкина, в 1937 году, когда агитационная машина уже набрала обороты. Дело представлялось так, что в каждом деле должен быть свой "самый главный" - в литературе это Пушкин, в музыке - Чайковский, среди художников - Репин. Естественно, и в государстве тоже должен быть главный. Схема простая и всем понятная. Алексея Николаевича такой подход немного коробил, об этом можно судить по следующей истории. Году в 1937 или 1938 появился и был повсюду развешан плакат: фигура И.В. Сталина в полный рост, а внизу, где-то на уровне колен, портреты нескольких человек, в том числе - Алексея Николаевича. С позиции верноподданства это была большая честь, но Алексей Николаевич воспринял это иначе и считал, что художник плохо скомпоновал картину.